

Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980)

В.Т. Юнгблуд

Вятский государственный университет

В структуре разрядки напряжённости в американо-советских отношениях 1970-х гг. вопросы торговли и взаимодействия в сфере науки и технологий занимали важное место. К концу 1960-х гг. в противостоянии США и СССР был достигнут стратегический паритет. На гонку вооружений стали смотреть как на дорогостоящее и бесперспективное дело. С одной стороны, временное равновесие военных потенциалов вело к смягчению прямой конфронтации и снижало угрозу войны, с другой – способствовало распространению убеждения в том, что интенсификация коммерческих связей и развитие научно-технологических программ и обменов создаст материальную основу прочного мира. В Москве эта мысль приобрела статус программной установки, в то время как в Вашингтоне исповедовали более прагматичный подход. С опорой на имеющееся историографическое наследие и документы российских архивов (РГАНИ, РГАЭ), а также опубликованные материалы Государственного департамента США, доступные электронные коллекции документов американских разведывательных служб и некоторых научных сообществ в статье показано, как на протяжении 1970-х гг. в Вашингтоне менялись подходы к формированию политики в отношении Советского Союза и какое место в этой политике отводилось торгово-экономическому и научно-техническому взаимодействию сверхдержав. Обоснованы выводы о том, что свёртывание разрядки в сфере торговли и научно-технического взаимодействия шло в три этапа. С принятием поправки Джексона-Вэника (1974) двусторонние отношения перестали быть равноправными, не говоря о существенных коммерческих потерях советской стороны. Приход к власти администрации Картера в январе 1977 г. внёс в повестку отношений Вашингтона и Москвы тему прав человека и угрозу применения санкций в случае их нарушения, неоднократно приведённую в исполнение. На рубеже 1979–1980 гг. начался третий этап, завершившийся в конце 1982 г. демонтажем инфраструктуры сотрудничества в сфере науки и технологий.

Ключевые слова: разрядка международной напряжённости, советско-американские отношения, научно-техническое сотрудничество, технологические обмены, Р. Никсон, Дж. Картер, Л.И. Брежнев

УДК: 94(73:47)"1969/1980":327:338.9:62-052

Поступила в редакцию: 11.10.2024

Принята к публикации: 15.12.2024

В истории международных отношений 1970-е годы отмечены ослаблением напряжённости в противостоянии Востока и Запада. Советско-американский межгосударственный диалог в то время развивался интенсивно и охватывал обширную повестку. Разрядка сверхдержав¹ имела сложную разноуровневую структуру и, по сути, служила важным стабилизирующим фактором миропорядка. Помимо вопросов контроля за вооружениями, создания всеобъемлющей системы безопасности в Европе и внимания к проблеме прав человека, важное место в политике разрядки занимали вопросы торговли и взаимодействия в сфере науки и технологий.

В Советском Союзе исходили из того, что интенсификация коммерческих связей и развитие научно-технологических программ и обменов создаст «надёжную материальную основу прочного мира»² и будет содействовать укреплению «достигнутой разрядки международной напряжённости»³. В руководстве США в течение 1970-х гг. в основном разделяли мнение о преимуществах разрядки по сравнению с политикой конфронтации и гонкой вооружений, характерных для предшествующей четверти века⁴, однако приоритеты американской политики каждая из последовательно сменявших друг друга администраций расставляла по-разному⁵.

В настоящей статье будет показано, как на протяжении десятилетия разрядки в Вашингтоне менялись подходы к формированию политики в отношении Советского Союза и какое место в этой политике отводилось торгово-экономическому и научно-техническому взаимодействию сверхдержав. Историография данной проблемы включает значительное количество работ, вышедших как в нашей стране, так и за рубежом, разбору которых посвящены отдельные недавно опубликованные статьи (Юнгблюд, Ильин 2023b; Юнгблюд, Ильин 2024).

С опорой на имеющееся историографическое наследие и документы российских архивов (РГАНИ, РГАЭ), а также опубликованные материалы Государственного департамента США, доступные электронные коллекции документов американских разведывательных служб и некоторых научных сообществ в настоящей статье будут раскрыты специфические (по сравнению с советскими) характеристики американского понимания места научно-технической проблематики в структуре политики разрядки.

¹ Подробнее об особенностях разрядки в советско-американских отношениях и её месте в общем процессе снижения международной напряжённости в 1960-х 1980-х гг. см.: (Юнгблюд, Ильин 2023a: 77–78).

² Протокол №5 заседания Пленума ЦК КПСС за подписью Секретаря ЦК КПСС Брежнева Л.И. «6–27 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 292. Л. 37 (Л. 1-80).

³ Отчёт о выполнении ГКНТ СМ СССР плана и эффективности научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами за 1975 год. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 102. Л. 24, 25.

⁴ О месте внешнеторговых отношений и соперничества СССР – США в научно-технической сфере см.: (Юнгблюд 2022).

⁵ В 1970-е гг. в США сменились администрации Р. Никсона (20.01.1969 – 9.08.1974), Дж. Форда (9.08. 1974 – 20.01. 1977), Дж. Картера (20.01.1977-20.01.1981).

Двусторонняя торговля и научно-техническое сотрудничество с СССР в контексте политики «увязок»

Одна из особенностей историографии советско-американских отношений эпохи разрядки состоит в том, что главные американские участники событий – президенты, государственные секретари и некоторые члены администраций – «по свежим следам» запечатлели собственный опыт в воспоминаниях, дневниках и иных текстах, повлиявших на последующий исследовательский дискурс (Brzezinski 1983; Carter 2020; Gates 1996; Kissinger 1979; Nixon 1978; Vance 1983). Более поздняя историография, прежде всего англоязычная, в значительной степени опирается на свидетельства и выводы, впервые сформулированные и обоснованные этим поколением авторов.

В этой связи, в первую очередь следует остановиться на тактике «увязок», утвердившейся в дипломатической практике Р. Никсона – Г. Киссинджера на начальной стадии «запуска» процесса нормализации советско-американских отношений. Своим появлением она была обязана тезису об относительно невысокой заинтересованности американской стороны в торговле и научно-технических контактах с СССР при том, что для советского руководства желание получить доступ к американским технологиям было доминантным. В Белом доме этот постулат считали базовым при ведении переговоров с Кремлём и особо его не камуфлировали. В Советском Союзе отмечали, что даже после подписания первых соглашений Госдепартамент затягивал согласование межправительственных рабочих программ, «исходя из тенденциозных представлений, что развитие научно-технического сотрудничества между СССР и США выгодно, якобы, преимущественно советской стороне»⁶.

Во главу угла в американо-советском диалоге с конца 1960-х гг. Белый дом ставил политические проблемы. Темы торговли, кредитов, трансфера технологий и развития научных контактов изначально рассматривались с позиций их «разменного потенциала». Инструктируя своего советника по национальной безопасности Киссинджера перед поездкой в Москву для подготовки саммита в мае 1972 г., Никсон наказывал с самого начала фокусировать переговорный процесс на проблеме Вьетнама, не затрагивая вопрос о торговых соглашениях, «заключения которых жаждали» в Москве, до тех пор, «пока они [руководство СССР – Авт.] конкретно не подтвердят, что помогут закончить войну» (Nixon 1978: 61). Дипломатический торг и «увязывание» разрозненных элементов велись таким образом, чтобы настроить советскую сторону на максимальные уступки в ключевых для США вопросах, используя в качестве приманки аргументы из области торговли, кредитов и технологий. «Увязки» изначально были

⁶ Отчёт Госкомитета СМ СССР по науке и технике о научно-техническом сотрудничестве СССР с зарубежными странами за 1974 год. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 523. Л. 24–25.

положены в основу американской переговорной стратегии. Впоследствии фокус заинтересованности Вашингтона с Вьетнама сместился на условия соглашений по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), ближневосточное урегулирование, проблему еврейской эмиграции из СССР, права человека и изменение советского поведения на международной арене в целом, но базовый принцип несимметричных увязок оставался неизменным.

В 1980-х гг. Киссинджер, суммируя опыт предшествующего десятилетия, писал: «Сдвиг настроений в пользу торговли между Востоком и Западом стал ощущаться в конце 1960-х – начале 1970-х гг. ... Американская администрация ... исходила из того, что торговля должна идти вслед за демонстрацией Советами готовности придерживаться более мирного курса, и её следует связывать с советским поведением на международной арене. По мере того, как Советы включились в несколько серьёзных переговоров, ... Соединённые Штаты постепенно смягчили свой подход, руководствуясь принципом взаимности и увязывая эти шаги со специфическими договоренностями. ... Независимо от всех выгод исходной теории, сейчас ясно, что торговля и кредиты могут сдерживающим образом влиять на советское поведение только в том случае, если Кремль будет опасаться, что неуступчивость будет стоить ему тех экономических выгод, на которые он рассчитывает» (Kissinger 1982: 14).

Пришедшая к власти в 1977 г. демократическая администрация Дж. Картера критиковала своих предшественников за использование «увязок» в качестве переговорного инструментария (Strong 2005: 99–100), но на практике этот приём также регулярно применяла, хотя комбинации подлежащих «увязыванию» элементов менялись (Brzezinski 1983: 323). В ходе предвыборной кампании 1976 г., критикуя «секретную» внешнюю политику Никсона–Форда («политику одинокого рейнджера»), Дж. Картер указывал, что «отношения Востока и Запада будут как кооперативными, так и конкурентными ещё долгое время», но Соединённые Штаты не станут искать компромисса за счёт собственных национальных интересов или интересов своих союзников⁷. В последующих выступлениях он неизменно подчёркивал, что согласие его правительства на продолжение сотрудничества с СССР будет зависеть от состояния дел в этой стране с правами человека. Советник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский в мае 1978 г. в одном из интервью заявил, что всем ещё предстоит осознать, «что из себя представляет разрядка, и чем она не является». Далее он пояснил, что разрядку не следует считать «эквивалентом всеобъемлющего, или даже полного примирения между Соединёнными Штатами и Советским Союзом», и сам он не видит ничего ужасного в том, чтобы обусловить торговлю и предоставление американских технологий «поведением Советского Союза»⁸.

⁷ Doc. 6. Address by Jimmy Carter, New York, June 23, 1976. *Foreign Relations of the United States* (данее – FRUS), 1977–1980, Vol. I, Foundation of Foreign Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d6> (accessed 10.12.2024).

⁸ Doc. 81. Editorial Note. *FRUS*, 1977–1980, Vol. I. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d81> (accessed 10.12.2024).

Барьеры режима наибольшего благоприятствования

Важное место во внешнеполитических расчётах руководства США в 1970-е гг. занимали соображения относительно распространения на СССР режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле и допустимости давления на Кремль с целью влияния на его внутреннюю политику. В этом вопросе и республиканцы, и демократы после прихода к власти, как правило, предпочитали позиционировать себя прагматиками, противостоящими «идеалистично» настроенным конгрессменам и сенаторам, принявшим поправку Джексона-Вэника к Закону о торговле 1974 г. (Юнгблюд, Ильин 2020), хотя отправные точки, как и итоговые оценки у них существенно различались. Дебаты вокруг поправки регулярно обострялись в связи с закупками Советским Союзом патентов, наукоёмкой продукции и технической документации, а также заключением контрактов на строительство и оснащение высокотехнологичных предприятий. Каналы трансфера технологий, едва наметившиеся после подписания в октябре 1972 г. советско-американского торгового соглашения, были существенно сужены принятием поправки, обусловившей предоставление статуса РНБ либерализацией эмиграционного законодательства. К. Нельсон справедливо указывает, что поправка Джексона-Вэника и принятая вслед за ней поправка Стивенсона к Торговому акту (1975), ограничившая банковские кредиты Советскому Союзу, «нанесли разрядке ошеломляющий удар»: объём двусторонней торговли сразу снизился наполовину (Nelson 2019: 149). Моральные издержки также были значительными – в Москве восприняли поправку как унижительную и неприемлемую попытку вмешательства во внутренние дела страны, несовместимую с её сверхдержавным статусом.

Лишение СССР статуса наиболее благоприятствуемой в торговле нации изначально было творением демократического большинства в Конгрессе, вознамерившегося не только торпедировать один из ключевых актов разрядки, но и нанести чувствительный ущерб республиканской администрации. Киссинджер потратил немало сил, чтобы нивелировать значение поправки. Он исходил из того, что «экономические стимулы в принципе не могут заменить баланс сил», а Запад, лучше подготовленный к экономическому соревнованию с социалистическими государствами, не нуждается в специальных дискриминирующих законах. Статус наибольшего благоприятствования, по его мнению, представлял лишь те условия, которые «и так уже были распространены на сотню других государств» и по этой причине он был всего лишь индикатором равенства, а не особым «пожалованным» даром⁹ (Kissinger 1979: 247, 982–983, 986).

⁹ Именно на таком подходе основывались переговорные позиции советской стороны. О том, что статус наибольшего благоприятствования является общепринятой нормой, а не «особой привилегией», писал Г. Арбатов в секретариат ЦК и в Совет министров СССР накануне майского советско-американского саммита 1972 г. См.: *РГАНИ*. Ф. 80. Оп. 1. Д. 792. Л. 98.

С этих позиций он оппонировал сторонникам поправки на стадии её обсуждения и критиковал «их» – «людей Джексона», «людей правого крыла»¹⁰. Сменивший в августе 1974 г. Никсона Джеральд Форд в целом разделял этот подход (Ford 1979: 138–139). Члены республиканских администраций лично и через своих сторонников из сферы крупного бизнеса пытались довести до сведения советского руководства, что будут предпринимать меры для отмены дискриминационной нормы¹¹, однако не преуспели в этом деле.

Позиция команды Картера была более нюансированной. С одной стороны, курс на защиту прав человека по всему миру, декларированный в качестве стратегической цели и морального императива администрации, хорошо сочетался и с духом, и с буквой поправки Джексона – Вэника (к тому же оба автора поправки играли заметную роль в демократических фракциях своих палат в Конгрессе).

В то же время, к моменту прихода Картера в Белый дом политика разрядки себя не исчерпала. И сам президент, и, особенно, госсекретарь С. Вэнс не раз выступали в пользу её продолжения (Carter 2010: 282; Vance 1983: 21–23, 31)¹². В переговорах с советскими представителями Картер сетовал на то, что поправка «досталась ему по наследству», высказывался в пользу расширения сотрудничества, но тут же обуславливал подвижки в этом вопросе либерализацией политики советских властей в отношении диссидентов и реальных шагов к отмене поправки не предпринимал (Carter 2010: 105). Максимум, на что он соглашался – использовать президентские полномочия для снятия дискриминационных ограничений в отношении СССР¹³.

Главный идеолог внешней политики демократической администрации Бжезинский в апреле 1977 г. предложил (в соавторстве с С. Хантингтоном) концепцию «экономической дипломатии», суть которой сводилась к использованию американских технологических преимуществ для достижения политических целей (Vaisse 2018: 299). Её центральным звеном стала формула, фактически сохранившая значение вплоть до начала 1981 г.: «Противостоять советской идеологической экспансии, с максимальной последовательностью продвигая американскую позицию в области глобальных прав человека, при этом постоянно изыскивая способы сделать детант более всеобъемлющим и более взаимным» (Brzezinski 1983: 54).

¹⁰ Kissinger H. Interview for the Gerald R. Ford Oral History Project on April 8, 2009 (by Richard Norton Smith). *Gerald Ford Foundation*. URL: <https://geraldrfoundation.org/centennial/oralhistory/henry-kissinger/> (accessed 10.12.2024)

¹¹ Московский представитель «Чейз Манхэттен банка» Дэвид Бакман, например, в июле 1975 г. заверял своих собеседников в ГКНТ СМ СССР, что поправка будет отменена в ближайшие месяцы. См.: Запись беседы тов. Айкказяна Э.А. с представителем «Чейз Манхэттен банк» в Москве Дэвидом Бакманом. 7 июля 1975 г. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2563. Л. 5.

¹² Carter J. 2010. *White House Diary*. N.Y., Farrar, Straus and Giroux. P. 282; Vance C. 1983. *Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy*. Simon and Shuster. P. 21–23, 31.

¹³ Запись основного содержания беседы А.А. Громыко с президентом США Дж. Картером, 23 сентября 1977 года, Вашингтон. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 71. Д. 9. Л. 80.

В отличие от Киссинджера, также ратовавшего за использование экономических и научных «приманок» ради достижения политических результатов, Бжезинский учитывал в двустороннем соревновательном раскладе не только военно-стратегические показатели, но и весь перечень системных характеристик сверхдержав, включая уровни жизни и положение дел в «третьей корзине». В этой связи Ю. Ханхимёки справедливо отметил, что «политика Картера в области прав человека была контрпродуктивной. Увязки были неявными, а открытая поддержка со стороны США диссидентов возбуждала сомнения насчёт пригодности разрядки – или по крайней мере о цене детанта для Советов» (Hanhimäki 2013: 116). Под «ценой» в данном случае подразумевался отказ Москве в торговых преференциях и доступе к новейшим технологиям.

Разногласия между американскими политиками высшего уровня по поводу форматов и масштаба «увязок» при обсуждении вопроса о возможной отмене поправки в 1977–1980 гг. проявлялись всё отчетливее. С одной стороны, госсекретарь Вэнс призывал в отношениях с Москвой «поддерживать интонацию равенства», которому советские руководители придавали исключительно большое значение¹⁴. Но в других случаях согласие на отказ от ограничений связывалось или с общим улучшением двусторонних отношений, или только с позитивной динамикой еврейской эмиграции, иногда – с продвижением переговоров по ОСВ.

Оценивая внешнюю политику США в конце 1970-х гг., Б. Глэд пришла к заключению, что «моралистский подход Картера не только существенно затруднил дипломатические взаимоотношения с СССР, но и привёл к таким действиям, которые можно было интерпретировать как манифестацию двойных стандартов» (Glad 2009: 282). Действия администрации США в сфере торговли и трансфера технологий в СССР дают многочисленные примеры, подтверждающие этот вывод.

Экспортный контроль – инструмент технологического превосходства

Одним из сильнейших мотивов политики США на всём протяжении 1970-х гг. было желание сохранять технологическое превосходство. Оно поднимало до высшего уровня проблему экспортного контроля. «Разрядка задумывалась как взаимоотношения между конкурентами, она не предполагала дружбу», – отмечал Киссинджер (Kissinger 1979: 469). В том же духе высказывались и другие американские руководители. Бжезинский, например, предлагал воспринимать разрядку «как разновидность соперничества» (Brzezinski 1983: 50), а Вэнс уже после завершения карьеры госсекретаря отмечал, что в конечном

¹⁴ Doc. 82. Letter from Secretary of State Vance to President Carter, Washington, May 29, 1978. *FRUS*. 1977–1980. Vol. I. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d82> (accessed 10.12.2024).

итоге «состязательная природа отношений с СССР оказалась недооценённой» (Vance 1983: 27).

Следует отметить, что установки Москвы в то время почти зеркально отражали настрой Вашингтона. «США отнюдь не стали нашими союзниками», – с трибуны апрельского пленума ЦК 1973 г. напомнил Л.И. Брежнев¹⁵. Выступление Ю.В. Андропова на пленуме вообще было посвящено разъяснению тезиса о том, что разрядка «является классовой борьбой в той форме, которая наилучшим образом соответствует нынешней расстановке классовых сил, нынешней международной ситуации»¹⁶.

О.А. Вестад, обращаясь к причинам, побудившим американских лидеров в начале 1970-х гг. пойти на сближение с СССР, сделал важное наблюдение: «Специфическое стечение обстоятельств породило смыслы, о которых не думали ни Никсон, ни Киссинджер. Их миры продолжали оставаться в пространстве Холодной войны. Тем не менее их действия побудили некоторых людей начать думать за рамками Холодной войны» (Westad 2017: 414–415). В меньшей степени этот вывод справедлив и в отношении советского руководства. Примечательно, что и приведённые цитаты из материалов апрельского пленума 1973 г., и наиболее решительные шаги лидеров США в сторону сближения Востока и Запада пришлось на май 1972 – июнь 1973 гг. – «кульминацию “эйфорической” фазы разрядки» (Litwak 1984: 9). Дальше ситуация стала меняться, и не в лучшую сторону. Сначала Уотергейт «убедил многих американцев в том, что в стране, которой управляют Никсон и Киссинджер, что-то не так», а «разрядка – это одна из многих уловок, при помощи которых Никсон дурачил американский народ» (Westad 2017: 476). Затем к власти пришла администрация Картера, настроенная в одностороннем порядке пересмотреть многие решения предыдущего периода с позиций «всеобъемлющего» (в отличие от никсоновского «селективного») понимания детанта.

Применительно к научно-технологическому сегменту повестки двусторонних отношений такой поворот событий порождал противоречивые, и даже взаимоисключающие подходы. С одной стороны, постоянное сопоставление экономической эффективности и жизненных уровней систем капитализма и социализма, СССР и США, побуждало американцев демонстрировать свои достижения в сфере производства потребительских товаров, увеличивать экспорт за счёт наукоёмких изделий, в том числе и созданных на основе новейших технологий (включая технологии военного и двойного назначения)¹⁷.

¹⁵ Протокол № 5 заседания Пленума ЦК КПСС за подписью Секретаря ЦК КПСС Брежнева Л.И., 6–27 апреля 1973 г. *РГАНИ*. Ф. 2. Оп. 3. Д. 292. Л. 417.

¹⁶ Апрельский Пленум ЦК КПСС (26–27.IV.1973 г.). Стенограмма третьего заседания 27 апреля 1973 г., утреннего *РГАНИ*. Ф. 2. Оп. 3. Д. 296. Л. 100.

¹⁷ В отдельных случаях такая политика приводила к неожиданным и далеко идущим результатам. Например, принятое по рекомендации СНБ в марте 1974 г. решение о существенном ослаблении ограничений трансфера компьютерных технологий, первоначально, судя по всему, преследовало чисто коммерческие цели: в СССР

В фондах Российского государственного архива экономики сосредоточено немало документов, свидетельствующих о том, что на протяжении 1970-х гг. по линии ГКНТ, АН СССР и отдельных министерств велось значительное количество переговоров, по итогам которых заключались соглашения о совместных исследованиях, обмене научной информацией, а также о закупке технологий, или строительстве предприятий, предусматривавших внедрение инновационных производственных комплексов. Были заключены масштабные сделки и запущены проекты, в том числе и с партнёрским участием фирм, занимавших лидирующие позиции в своих отраслях: Boeing, Rockwell International, Occidental Petroleum, Sperry Rand, Revlon, General Electric, Hewlett-Packard, CBS, Coca-Cola, PepsiCo, Gulf Oil, Lockheed Aircraft, Union Carbide, Pfizer Inc. и ряд других. С другой стороны, во второй половине 1970-х гг. советская сторона констатировала «противоречивость позиции американского правительства»: «На словах – говорят о повышении эффективности сотрудничества, на практике – затягивание сессий смешанных комиссий, перенос в одностороннем порядке и без должной аргументации сроков заседаний рабочих групп и встреч экспертов»¹⁸. Кроме того, американские партнёры сетовали на трудности в получении экспортных лицензий, а также иные законодательные и процедурные ограничения, нередко становившиеся непреодолимыми.

На экспортную политику США в отношении СССР и других социалистических государств в начале 1970-х гг. влияли к тому же различия в ведомственных подходах: а) в Министерстве обороны считали, что законодательному ослаблению торговых ограничений должны предшествовать политические уступки со стороны СССР и его союзников; б) эксперты Государственного департамента предлагали внести на рассмотрение Конгресса законопроект о либерализации экспортного контроля, тем самым обеспечив благоприятные условия для достижения желаемых результатов на переговорах по политическим вопросам; в) в Министерстве торговли настаивали на немедленном законодательном снятии ограничений на торговлю с государствами восточного блока и на упрощении

и странах Восточной Европы ощущался острый дефицит в компьютерах. Выполненные в 1975 г. исследования ГКНТ о состоянии работ по созданию средств вычислительной техники и автоматических систем управления в народном хозяйстве отмечали существенное отставание от развитых стран Запада («Перечень основных научно-технических проблем и доклад ГКНТ о ходе работ по созданию и применению средств вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народном хозяйстве». РГАН. Ф. 5. Оп. 68. Д. 524. Л. 2–18). И, хотя основными направлениями развития народного хозяйства СССР предусматривался комплекс первоочередных мер по улучшению ситуации в этой области, сократить отставание не удавалось. В конечном итоге была сделана ставка на закупку на Западе компьютеров, программного обеспечения, запасных частей и периферийного оборудования. На этом основании английский историк Дж. Хэзлэм сделал вывод, что из-за того, что к началу 1970-х гг. СССР «был далеко позади» Соединённых Штатов в области компьютерных технологий, «в Москве приняли решение о закупках компьютеров IBM вместо того, чтобы развивать собственное производство» (Haslam 2011: 318). Эта история отражала характерную для 1970-х гг. тенденцию в наиболее важных и технологически насыщенных отраслях идти по пути закупки не только сложных технологий, но и конечной продукции (Митрохин 2023: 148–157).

¹⁸ «Справка о состоянии советско-американского научно-технического сотрудничества, подготовленная к 6-й сессии Смешанной советско-американской комиссии, февраль 1979 г.» РГЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 1329. Л. 64–65.

таможенных процедур, чтобы использовать новые возможности для наращивания торгового оборота и получения максимальных коммерческих выгод. Киссинджер, замкнувший на себе решение вопросов, непосредственно связанных с американо-советскими отношениями, соглашался с тем, что следует привести перечень запрещённых к экспорту в социалистические страны товаров в соответствие со списком CoCom¹⁹, за исключением сверхсовременных компьютеров, где США, по его мнению, должны были сохранять единоличное лидерство (Chapman 2013: 63).

В 1979 г. после длительной полемики был опубликован «Список критически важных военных технологий» (Militarily Critical Technologies List, MCTL), которые, согласно оценкам Минобороны, обеспечивали Соединённым Штатам превосходство в военной области. Список включал новейшие достижения в сфере биологического, химического и ядерного оружия, а также технологии производства средств доставки. MCTL использовался в качестве нормативно-технического основания для принятия решений по вопросам экспорта, включая выдачу лицензий; для предварительной цензуры научных трудов, подготовленных Национальной академией наук, университетами или исследовательскими центрами корпораций; для постановки задач по сбору разведданных; для организации R&D²⁰, а также при планировании международного сотрудничества и трансфера технологий (Chapman 2013: 110).

Главные разделы MCTL включали системы авиации, оружие, энергетические материалы, химические и биологические системы, электронику, информационные технологии и системы телекоммуникации, системы конструирования, сенсоры и лазеры; космические системы, системы имитации оружия и системы нейтрализации вооружений и ряд других прорывных изобретений и технологий (Chapman 2013: 110–111). В стране постепенно нагнетались алармистские настроения, призывы к ужесточению экспортного контроля с тем, чтобы исключить передачу прорывных технологий социалистическим, а также несоюзническим некоммунистическим государствам. Картер и особенно Бжезинский сочувственно относились к этим настроениям, в отдельных случаях вносили заметный вклад в их эскалацию (Gates 1996: 537; Ильин, Юнгблюд 2024; Крынжина 2020: 64–65).

В 1978–1980 гг. администрация предприняла ряд шагов, совокупность которых, по словам Бжезинского, означала, что «в высшей степени либеральном подходе к экспорту технологий в СССР наступил поворот» (Brzezinski 1983:

¹⁹ КоКом – Координационный комитет по экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom) – созданная в 1949 г. международная организация со штаб-квартирой в Париже для контроля над экспортом в СССР и социалистические страны стратегических товаров и технологий. Подробнее см.: (Ильин, Юнгблюд 2024).

²⁰ R&D (Research and development – исследования и развитие) – устойчивое словосочетание, обозначающее комплекс мероприятий по выполнению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и эффективному внедрению полученных результатов в производство.

323). Р. Гейтс оценил этот поворот как «начало экономической войны», которая началась задолго до событий конца 1979 г. в Афганистане (Gates 1996: 535–537).

А что же бизнес?

Ещё до прихода в Белый дом Р. Никсон зарекомендовал себя последовательным сторонником фритредерских взглядов. Согласно его предвыборным установкам, «нормализация советско-американских отношений могла привести к экономическому процветанию американских экспортёров». Хотя этот тезис не был ключевым в его предвыборной программе, с началом разрядки он стал употребляться в качестве одного из аргументов при общении с представителями бизнеса для объяснения решения администрации пойти на «оттепель» в Холодной войне (Smell 1999: 98–99). Пользуясь этим аргументом, Никсон добился взаимопонимания с обеими палатами Конгресса в процессе принятия в декабре 1969 г. Закона об экспортном контроле, который позволил ему начать либерализацию торговли со странами Восточной Европы, где западноевропейские союзники США с середины 1960-х гг. не без успеха формировали свои экономические плацдармы. Однако этот Акт не предоставил СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле (Юнгблюд, Ильин 2023а : 80–89).

В Москве были осведомлены о взглядах президента и осознавали важность установления тесных контактов с наиболее влиятельными представителями американского бизнеса. Ещё в конце октября 1968 г. в разговоре с заместителем главного редактора газеты «Известия» М. Сагателяном президент американского Института политики и планирования А. Барбер «с явной целью довести свои высказывания до “соответствующих кругов”» рекомендовал незамедлительно установить контакты как с членами команды Никсона («республиканскими Гарриманами»), так и с вхожими в узкий круг лидеров будущей администрации бизнесменами, непосредственно влиявшими на выработку республиканской стратегии. Американский собеседник подчеркнул, что среди собственников и акционеров крупнейших компаний растут настроения в пользу расширения сотрудничества с СССР, в том числе в областях, где СССР уже установил связи с западноевропейскими партнёрами. Отчёт об этой беседе незамедлительно поступил в ЦК КПСС²¹.

Последующие месяцы продемонстрировали своевременность этого предупреждения; на фоне неспешной нормализации политических отношений Вашингтона и Москвы довольно впечатляюще выглядели интенсивные и разнообразные контакты советских властей с лидерами американского делового мира

²¹ Запись беседы М. Сагателяна с президентом американского Института политики и планирования Артуром Барбером. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 469. Л. 97, 99–100.

(Юнгблюд, Ильин 2023а: 80–84). К концу 1972 г. по оценке такого квалифицированного эксперта, как С. Пизар²², «настроения американских деловых людей в вопросе о торговле с Востоком» приобрели характер «повального увлечения», «вошли в моду», при том, что лишь немногие компании действительно могли «что-то предложить», тогда как остальные «просто сами себя гипнотизировали» и их предложения были «не актуальны»²³. Пизар с тревогой предсказывал, что не оправдавшиеся надежды скорее всего приведут к разочарованию.

В администрации Никсона повальное увлечение части американского бизнес-сообщества российской тематикой также не вызывало энтузиазма. В начале февраля 1973 г. Москву посетил специальный помощник президента Ч. Колсон, который, беседуя с Председателем Президиума Торгово-промышленной палаты СССР Б.А. Борисовым, напомнил, что в конечном итоге для серьёзных американских корпораций значение имеют не столько соглашения сами по себе, сколько примеры удачных сделок, «для которых необходимо создавать хорошие условия». Колсон высказал пожелание, чтобы поток устремившихся в СССР предпринимателей строго контролировался, пояснив, что настроения деловых кругов США сравнимы с «золотой лихорадкой», которая может резко пойти на убыль из-за «перегрузки и несоответствия appetites реально существующим условиям, как это бывало ранее»; по поводу целесообразности приглашения в СССР американских деловых лиц чиновник рекомендовал консультироваться с работниками посольства США в Москве²⁴. Администрация, таким образом, желала контролировать и интенсивность американо-советского сближения, и персональный состав участников этого процесса.

Как бы то ни было, прогнозы Пизара и Колсона относительно предстоящего снижения ажиотажного интереса к торговому и научно-техническому сотрудничеству с СССР в целом подтвердились. Причины носили комплексный характер. Сказалось то, что противников у советско-американского сближения также было немало: только 1969–1971 гг. протекционисты в Конгрессе внесли более 200 биллей, призывавших к ограничению импорта, в первую очередь – в СССР и страны Восточной Европы (Smell 1999: 147). В 1973–1974 гг. эти силы получили серьёзную поддержку вследствие принятия поправки Джексона–Вэника, энергетического кризиса, а затем и разразившегося Уотергейтского скандала. Определённую роль сыграл резкий рост в США цен на продовольствие, который в общественном мнении связывался с масштабными закупками Советским Союзом американского зерна в 1973–1974 гг.²⁵. На этом фоне давление на администрацию Дж. Форда со стороны представителей делового мира, желавших развивать свой бизнес в Советском Союзе, существенно ослабло.

²² Сэмюэль Пизар – известный американский юрист и дипломат, советник Д. Рокфеллера и А. Хаммера.

²³ Запись беседы в ИСША АН СССР 12 декабря 1972 г. с Сэмюэлем Пизаром. РГАНИ. Оп. 64. Д. 6. Л. 72, 73.

²⁴ Запись беседы Председателя Президиума ТПП СССР Б.А. Борисова со специальным помощником президента Чарльзом Колсоном, 19 февраля 1973 года. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 5921. Л. 43, 45, 46.

²⁵ Меморандум о беседе Алхимова В.С. с Ч. Вэником 15 октября 1975 года. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 7469. Л. 134, 135, 136.

18 июня 1976 г. Г. Арбатов направил секретарю ЦК КПСС кандидату в члены Политбюро Б.Н. Пономарёву записку, в которой, в частности, сообщал, что США вступают в период относительной экономической и политической стабилизации. В связи с этим осторожно прогнозировалось, что «укрепление внутренней стабильности сделает США более надёжным партнёром по переговорам» и правящие круги «получат возможность планировать и проводить свою политику более последовательно и продуманно, без оглядки на демагогию правых»²⁶.

Записка готовилась в разгар президентской избирательной кампании в США, но автор отмечал, что при любом исходе голосования у власти на ключевых постах в скором будущем окажутся новые лица, с которыми придётся налаживать контакты. Одним из серьёзных вызовов для будущей администрации, по мнению Арбатова, могла стать проблема торговли между СССР и США, т. к. на волне Уотергейта и почти совпавшего с ним по времени «нефтяного шока» 1973–1974 гг. противникам разрядки удалось изобразить её как «улицу с односторонним движением». Продажа в СССР зерна, оборудования и машин, несмотря на заинтересованность в этих сделках американских поставщиков, в целом «изображалась чуть не как “помощь” Советскому Союзу»²⁷. Чтобы снять негативный фон, оставленный пропагандистской кампанией правых, автор записки рекомендовал сосредоточиться на мерах «материализации разрядки», в том числе и при помощи развития взаимовыгодного сотрудничества. Для этого предлагалось сосредоточиться на укреплении связей с представителями американского бизнеса. «Из влиятельных сил этой страны, – писал Арбатов, – деловые круги играли до сих пор наиболее активную роль в развитии советско-американских отношений. Их поддержку важно сохранять и впредь. Поэтому стоило бы активизировать контакты с представителями деловых кругов США по обсуждению различных проектов, в т. ч. наиболее перспективных и выгодных нам в сложившихся условиях проектов производственного кооперирования. В связи с возможным приходом к власти Картера стоило бы обратить внимание на завязывание отношений с особенно близкими к нему корпорациями», среди которых особо была выделена компания Coca Cola, руководство которой играло видную роль в родном штате Картера Джорджии²⁸.

Примечательно, что директор Института США и Канады советовал немедленно приступить к «наведению мостов» с командой Дж. Картера и близкими к нему представителями бизнес-элиты в тот момент, когда победа кандидата в президенты от демократической партии была не очевидной, что, безусловно, свидетельствует о его информированности и политической проницательности.

²⁶ Записка директора Института США и Канады РАН Г. Арбатова секретарю ЦК КПСС Б.Н. Пономарёву «О некоторых вопросах советско-американских отношений». *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 69. Д. 210. Л. 55.

²⁷ Там же. Л. 57.

²⁸ Там же. Л. 57, 62, 63.

Однако надежды на снятие дискриминационных ограничений в торговле с СССР, которые Арбатов связывал с приходом к власти администрации Картера, не оправдались. Первый год президентства Картера был отмечен лишь тремя значимыми договорами между ГКНТ и крупными американскими корпорациями (Cameron Iron Works, май 1977 г. – соглашение об обмене специалистами информацией в области нефтехимии; Babok & Wilcox, май 1977 г. – соглашение о совместных исследованиях в области энергетики; E.I. Dupon de Nemur, август 1977 г. – соглашение о совместных исследованиях и поставках химических удобрений) (Bornstein 1985: 167–176).

В последующие годы ситуация не улучшилась. Крупный американский бизнес в конце 1970-х – начале 1980-х гг. не выразил готовности стать драйвером «конвертации» достижений разрядки в совместные с советскими партнёрами высокотехнологичные предприятия или научные разработки. Причин было несколько: сказались пропаганда правых, о которой писал Арбатов, и ограничительные нормы американского законодательства в сфере экспортного контроля и торговли с Востоком; затем стала набирать обороты кампания в защиту прав диссидентов в Советском Союзе, в ходе которой идеологию сотрудничества в США всё сильнее вытесняли алгоритмы санкционного давления; определённую роль сыграли естественные для 1970-х гг. трудности в налаживании практического взаимодействия между американскими корпорациями и советскими контрагентами, возникавшие вследствие различий в формах собственности и систем финансирования, управленческих культурах, оценках масштабов коммерческих выгод от совместных усилий; наконец, имели место чисто политические и оборонные соображения, побуждавшие партнёров уклоняться от обмена данными в наиболее «чувствительных» отраслях научного знания и высокотехнологичного производства²⁹.

Совет академика Арбатова, предлагавшего для укрепления двусторонних экономических и научно-технологических связей использовать влияние лично близких Картеру бизнесменов, не сработал. Компания Coca Cola, на которую он указывал, подписала с ГКНТ R&D договор ещё в 1974 г. и иных амбиций на российском рынке, судя по всему, на том этапе не имела. К тому же президент Картер не приветствовал попытки своих друзей-«джорджийцев», включая спонсоров

²⁹ Примеры успешного, или относительно успешного, сотрудничества свидетельствуют о том, что американская сторона стремилась максимально насытить программы сотрудничества коммерчески привлекательными для себя обязательствами в виде поставок готовых изделий. В тех же случаях, когда чисто коммерческие отношения дополнялись научными контактами, взаимодействие, как правило, ограничивалось простыми формами: обмены делегациями, проведение симпозиумов и семинаров. В редких случаях речь шла о совместной разработке нового оборудования или технологий (например, в рамках договора с нефтегазовой компанией Dresser Industries), однако эти попытки привели к скромным результатам. Наиболее яркими примерами успешного американо-советского сотрудничества, увенчавшегося значительными и долговременными результатами, стали проекты Арманда Хаммера, опиравшегося в их реализации прежде всего на ресурсы Occidental Petroleum. Эта страница истории 1970-х гг. заслуживает отдельного изучения.

президентской кампании, лоббировать зарубежные проекты, зато активно привлекал их к решению собственных политических задач, в том числе не способствовавших укреплению разрядки в советско-американских отношениях. В частности, генеральному директору компании Coca Cola П. Остину в феврале 1978 г. он поручил конфиденциально обсудить с Ф. Кастро возможность «американо-кубинского примирения» на условиях отмены экономических санкций в отношении Острова свободы в обмен на освобождение кубинских политических заключённых и вывод кубинских вооружённых подразделений из Анголы и других африканских государств. Цель такой инициативы, по признанию самого Картера, состояла в том, чтобы «оторвать Кубу от Москвы» (Carter 2010: 145, 168–169).

В конце 1979 г. Комитет по науке и технологиям Палаты представителей Конгресса США подготовил доклад об итогах выполнения «Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники» 1972 г., в котором сообщалось, что за семь с половиной лет между ГКНТ и отдельными советскими ведомствами, с одной стороны, и американскими фирмами, с другой, было подписано примерно шестьдесят соглашений. В основном «это были не более, чем “декларации о намерениях”» и фирмы, подписавшие такие документы, «сотрудничали единственным способом – ведя переговоры об экспортной торговле». В докладе подчёркивалось, что «продажи всех товаров, технологических данных или имеющих к ним отношение материалов» подвержены «обычным для США процедурам экспортного контроля, независимо от того, подписал американский экспортёр такое соглашение или нет»³⁰. Данное заключение красноречиво свидетельствовало о том, что надежды восходящего, «романтического» периода разрядки на способность крупного бизнеса создать надёжную материальную основу для сближения сверхдержав и преодоления политических разногласий, оказались завышенными.

От Никсона – к Картеру: смена парадигм советско-американского научно-технического сотрудничества

К наиболее чувствительным аспектам внешней политики на всём протяжении 1970-х гг. США относили сотрудничество с СССР в области фундаментальной науки. Особое внимания уделялось конкретизации направлений совместных исследований в рамках двусторонних договоров, а также определение

³⁰ *Key issues in U.S.-U.S.S.R. scientific exchanges and technology transfer: report / prepared by the Subcommittee on Science, Research, and Technology of the Committee on Science and Technology, U.S. House of Representatives, Ninety-sixth Congress, first session ... November 1979. 1979. Washington: U.S. Govt. Print. Off. P. 76.*

форм, масштабов и пределов технологического трансфера в СССР. Отношение к этим проблемам во многом определяло архитектуру двусторонних соглашений и перечень конкретных совместных исследовательских проектов³¹.

«Если великая нация отказывается от соревнования в области исследования неизвестного, то она перестаёт быть великой», – отмечал Никсон (Nixon 1978: 530). Его преемники в Белом доме разделяли данный постулат, однако конкретные подходы к планированию научного взаимодействия с СССР у каждой из трёх администраций были разными. Причины этих расхождений заключались не только в индивидуальном понимании роли науки в структуре разрядки. Даже в рамках одной президентской команды далеко не всегда удавалось достичь единства мнений относительно целей и ожидаемых итогов соревнования с СССР. Существенное значение также имели амбиции и персональные воззрения отдельных руководителей.

Значимую роль играло желание американских лидеров иметь адекватное представление о реальных научно-технических возможностях своего главного противника. Не случайно каждая из трёх администраций тщательно отслеживала состояние экономики и уровня технологий в СССР, акцентируя внимание на исследованиях и развитии (R&D), прежде всего в военных отраслях. Деятельность научных учреждений, так или иначе связанных с оборонно-промышленным комплексом, принадлежала к разряду наиболее охраняемых секретов Кремля, и наилучшим способом получить доступ к «закрытой» информации были совместные исследовательские проекты (Graham 1978: 383–390). Оценивая выгоды сотрудничества с СССР в годы разрядки, американские эксперты Кэтрин Эйлс и Артур Пади выделяют именно этот аспект: «Во многих случаях американские участники узнали не только о направлениях исследований и специфических процедурах, которым следуют советские учёные, но также и о том, как их работа организована и как она управляется. Важность таких знаний для Соединённых Штатов как нации состояла в возможности оценивать планы, тенденции и перспективные достижения СССР, что служило базисом для формулирования общей политики США в отношении этой страны» (Ailes, Pardee 2018: 220–221). Заинтересованность в коллаборации с советскими учёными и организаторами науки усиливалась также вследствие того, что фундаментальная наука в СССР финансировалась государством, и их американские коллеги

³¹ Главным из них было Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники от 24 мая 1972 г. (рассчитано на 5 лет, в июле 1977 г. продлено ещё на 5 лет). К нему примыкали три соглашения о сотрудничестве: в области охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицины и здравоохранения. В 1973 г. в Вашингтоне были подписаны ещё четыре соглашения: о сотрудничестве в исследованиях в области сельского хозяйства, мирового океана, транспорта, атомной энергии. Всего за 1972–1977 гг. СССР и США подписали 11 соглашений о научно-техническом сотрудничестве.

не без основания полагали, что государственное финансирование предоставляет фундаментальной науке серьёзное преимущество³² (Firth, Noren 1998: 53, 55, 58, 68).

Важную роль в определении позиции Белого дома по проблемам НТС играли советники президента по науке, занятые преимущественно подготовкой «рекомендаций в рамках повседневной повестки главы государства по вопросам науки и технологий», а также обоснованием расходов на поддержку приоритетных исследований и разработок для Управления менеджмента и бюджета³³, исходя из установки на развитие «эффективного сотрудничества в сфере науки и технологий с правительствами других государств»³⁴. Успех в выполнении должностных функций зависел не только от квалификации советника, но и от его способности выстраивать отношения с главой Белого дома и другими членами администрации, в первую очередь – помощником президента по национальной безопасности и директором Управления бюджета и менеджмента. Характер этих взаимоотношений как в личном плане, так и институционно неоднократно менялся (Smith 1992: 140, 171–172).

В воспоминаниях и интервью советники президента по науке запечатлели ряд важных наблюдений, передающих атмосферу, в которой принимались решения на самом высоком уровне, позволяющих в новом ракурсе «подсветить» образы президентов и других государственных деятелей, а также лучше понять, как от администрации к администрации менялись процедуры принятия решений по вопросам науки и технологического трансфера, и эволюционировали подходы к ведению дел с Москвой³⁵. Сохранились свидетельства о сложных (вплоть до враждебности и административной конфронтации) отношениях между научным сообществом и администрацией Никсона³⁶, о фактическом отстранении директоров Управления науки и технологий, председателей Президентского консультативного совета по науке Л. Дабриджа (20 января 1969 – 31 августа 1970 г.) и Э. Дэвида (31 августа 1970 – 26 января 1973 гг.)³⁷ от научно-технологической части повестки американо-советских переговоров, включая саммиты 1972, 1973, 1974 гг. (Smith 1992: 139–140, 170–171), о том, что США изначально ориентировались на заключение соглашений о сотрудничестве только в областях, где обмен информацией не создавал угрозы для национальной безопасности (Averch 1985: 128–129), о том, что американская сторона была заинтересована в организации совместных с советскими учёными научных

³² Soviet Military Research and Development, 19 September 1972. *CIA Electronic Library. National Intelligence Estimate*, №176. P. 30–32.

³³ Report of the Commission on the Presidency and Science Advising 1989. *Miller Center Commission* №5. P. 2.

³⁴ Ibid. P. 4.

³⁵ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986. *American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives*. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (accessed 10.12.2024).

³⁶ Ibid.

³⁷ Edward E. David, Jr. Brief Biography. *Informs*. URL: <https://www.informs.org/content/view/full/272874> (accessed 10.12.2024).

программ в области фундаментальных наук в том числе и потому, что в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. бюджетные ассигнования на эти исследования в США были недостаточными³⁸.

Вашингтон был всерьёз озабочен успехами советских учёных в сфере энергетики и в освоении космоса; в США знали о достижениях математиков, представителей отдельных отраслей физики, металлургии и ряда других наук (Stever 1987: 41; Юнгблюд 2022). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в США сложилось мнение, что в приоритетных наукоёмких отраслях промышленности (предприятия военно-промышленного и космического комплексов; производство и передача электроэнергии) СССР находился примерно на том же технологическом уровне, что и развитые государства Запада; в менее наукоёмких отраслях (производство железа, стали, оборудования для предприятий машиностроения) в СССР успешно масштабируются уже устоявшиеся технологии (например, большие мартеновские печи, массовое производство стандартного машинного оборудования), но медленно внедряются новые технологии (непрерывное литьё, кислородная конвертация, оборудование с числовым программным управлением и проч.); в химической промышленности, автомобилестроении, а также в производстве продуктов питания, одежды, обуви и большинства товаров народного потребления отставание СССР от Запада было самым значительным³⁹. Однако эти знания были фрагментарными и нуждались в подтверждении. Совместные научные программы давали возможность получить недостающую информацию, составить полное представление о подлинном уровне научного и технологического развития СССР.

Основательное внедрение советников президента по науке и технологиям в процесс научно-технического взаимодействия СССР и США началось после того, как администрацию возглавил Дж. Форд и продолжилось при Дж. Картере. Выполнявшие в то время обязанности советников директор Национального научного фонда (1972–1976 гг.), 1-й директор Управления научно-технической политики (9 августа 1976 – 20 января 1977 гг.) Гайфорд Стевер и сменивший его на этом посту Фрэнк Пресс (20 января 1977 – 20 января 1981 гг.) гораздо активнее своих предшественников участвовали в формировании политики в отношении СССР, контроле за выполнением текущих программ, установлении ограничений на передачу научной информации, экспериментальных данных, опытных образцов аппаратных изделий и программного сопровождения⁴⁰ (Stever 1987: 45–47, 48; Пресс 1981: 16–22, 24, 26–29).

³⁸ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986. *American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives*. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (accessed 10.12.2024).

³⁹ Информация, полученная в 1970-х гг., в целом подтвердила эти представления. В середине 1985 г. М. Борнштейн констатировал: «За период после 1970 года технологический уровень некоторых отраслей советской индустрии повысился в результате как собственного развития, так и экспорта технологий ... Но Запад в это время также развивался, поэтому разрыв не сократился» (Bornstein 1985: 39–40).

⁴⁰ Stever G. 1993. An Interview Conducted by John Bryant, IEEE History Center. March 17. *ETHW*. URL: https://ethw.org/Oral-History/H._Guyford_Stever (accessed 10.12.2024).

Стевер сыграл важную роль в развитии контактов с советскими учёными, встречался с руководителями советского государства А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным, с руководителями АН СССР и Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ), принимал участие в многих научных форумах. Но его деятельность пришлась на начало нисходящей фазы разрядки. Сменившему его на этом посту Ф. Прессу пришлось не только оценивать результаты начатых ранее проектов, но и столкнуться с принципиально иными, по сравнению с предыдущими республиканскими администрациями, принципами управления научными исследованиями в национальном масштабе и с этих позиций переосмыслить место американско-советского научного диалога в иерархии политических приоритетов администрации Картера. Одной из проблем этого ряда стал выбор между политическими предпочтениями президента и его команды и традициями интеллектуальной свободы, культивируемыми в академической среде. Соображения политической дисциплины, в конечном счёте, взяли верх.

Начиная с 1977 г. в США прогрессировали два взаимосвязанных процесса, зафиксированные Ф. Прессом. Во-первых, переход к форсированному развитию фундаментальной науки, проявившийся в наращивании бюджетного финансирования базовых научных отраслей и прорывных технологических разработок (космос, компьютерные технологии, микрочипы, телекоммуникации, интернет, создание новых материалов), что позволило существенно укрепить конкурентные характеристики США как в военных отраслях, так и в области производства потребительских товаров, а также в социальной сфере (медицина, производство продуктов питания, экология и охрана природных ресурсов, благоустройство городов). Во-вторых, наметилось «частичное свёртывание сотрудничества с Советским Союзом» при сохранении некоторых «каналов для двусторонних научных соглашений между двумя странами»⁴¹ (Пресс 1981: 16).

В 1979 г. по инициативе американской стороны была распущена совместная рабочая группа по физике – одна из наиболее успешных с точки зрения получения научных результатов. К 1980 г. Национальный научный фонд США продолжал финансировать работу 7 из 14 совместных рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением о сотрудничестве 1972 г.⁴².

⁴¹ «Сохранение некоторых каналов» произошло благодаря участию Ф. Пресса и президента Национальной академии наук Ф. Хэнглера в обсуждении Палатой представителей Конгресса США научно-технической политики США в отношении Советского Союза в связи с вводом советских войск в Афганистан и высылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький. Осудив действия руководства СССР, конгрессмены по предложению Пресса сохранили финансирование программ советско-американского научного сотрудничества, хотя и в урезанном виде. См.: Congressional Records. 96 Congress, 2d Session. House of Representatives. Report #96-921. Part I. Defining Policies of the United States with respect to Scientific and Technical Exchanges with the Soviet Union. May 6, 1980. P. 17, 18, 21.

⁴² Из 14 рабочих групп 11 финансировал Национальный научный фонд, три рабочие группы поддерживали другие ведомства: Министерство сельского хозяйства (группа освоения лесных ресурсов), Министерство торговли (группа метрологии), Министерство внутренних дел (группа освоения водных ресурсов). Из остальных 11 групп: созданные в 1979 г. группы наук о земле и наук о полимерах из-за объявленных в связи с событиями в Афганистане

Постепенное сжатие научно-технологического базиса разрядки, проявившееся в 1977–1979 гг. через дискриминацию в торговле и применение ограничительных механизмов экспортного контроля в отношении СССР, в начале января 1980 г. приобрело характер масштабной санкционной кампании. В 1982 г. под предлогом введения в Польше военного положения администрация Р. Рейгана приняла решение не продлевать на очередной срок действовавшие на тот момент соглашения и программы.

Заключение

В 1987 г. Дж. Гэддис в книге, посвящённой истории Холодной войны, привёл тезис классического либерализма, согласно которому шансы на установление прочного мира тем выше, чем интенсивнее экономические взаимосвязи между государствами, и опроверг его ссылкой на классика теории неореализма К. Уолтца, напоминавшего, что «наиболее ожесточённые гражданские войны и самые кровавые международные конфликты всегда происходили на территориях, заселённых родственными народами, между которыми существовали самые тесные связи» (Gaddis 1987: 224). В споре либералов и реалистов Гэддис занял сторону последних, а история американско-советских отношений в 1970-х гг., казалось, всецело подтверждает его правоту. Планы советского руководства путём развития торговли и научно-технического сотрудничества «материализовать» разрядку и установить прочный мир, не сбылись. Партнёры, совсем недавно заверявшие друг друга в стремлении крепить мир и развивать взаимовыгодное сотрудничество, вернулись к Холодной войне.

Но США и СССР не были соседями. Установившиеся между ними в годы разрядки торгово-экономические и научно-технические связи не были ни интенсивными, ни глубокими, ни прочными – напротив, они были гораздо менее устойчивыми и всеобъемлющими, чем связи с ближайшими географическими соседями или с союзниками по военно-политическим блокам. Обрушение разрядки случилось не из-за чрезмерного сближения сверхдержав, причины, очевидно были другими.

Но не следует недооценивать значения научных контактов и технологических обменов между советскими и американскими учёными. Только с американской стороны в совместные программы были вовлечены более тысячи учёных при не менее внушительном представительстве советской стороны. По ряду научных направлений в академических программах приняли участие выдающиеся исследователи, основатели научных школ. По сути, лучшие умы двух ведущих держав мира получили мощную интеллектуальную инъекцию, что само

санкций к работе так и не приступили; созданная тогда же группа научно-технической информации успела сформировать организационный комитет, но проявила минимальную активность. Сотрудничество в области химического катализа было прекращено в 1980 г.

по себе не могло пройти бесследно. Судя по большинству отчётов обеих сторон о выполнении совместных программ, участники высоко оценивали уровень научного общения и достигнутые результаты. И всё же взаимодействие в области научных исследований и технологических обменов к материализации разрядки не привело. Почему?

Разрядка напряжённости в отношениях между СССР и США имела сложную структуру. Научно-технические соглашения и программы как важный, но не единственный компонент разрядки, встраивались в общую канву дипломатического взаимодействия и никогда не жили собственной жизнью, автономной от политического контекста. Тем временем в обеих столицах – и в Вашингтоне, и в Москве – руководствовались логикой Холодной войны. Для Соединённых Штатов эта логика определяла генеральную цель: закрепление своего технологического превосходства. Помочь руководству КПСС и Советского государства, уже почувствовавшему «вкус победы» после достижения стратегического паритета в гонке вооружений, приблизиться к американским стандартам по уровню жизни, технологическому оснащению производства и производительности труда, не входило в планы ни одной американской администрации.

Начиная сближение с Советским Союзом, администрация Никсона не имела чёткого плана, но была заинтересована в быстром впечатляющем успехе. И он был достигнут, во многом благодаря умелому «увязыванию» различных аспектов двусторонних, региональных и глобальных процессов помощником президента по национальной безопасности Г. Киссинджером и высокой готовности к сотрудничеству советской стороны в лице Л.И. Брежнева и А.А. Громыко. Почти сразу двусторонние отношения вышли на пик, но удержаться на нём не смогли.

Свёртывание разрядки в сфере торговли и научно-технического взаимодействия шло в три этапа. С принятием поправки Джексона–Вэника (1974) двусторонние отношения лишились ауры равенства и доверия, не говоря о существенных коммерческих потерях советской стороны. Приход к власти администрации Картера привнёс в повестку отношений Вашингтона и Москвы тему прав человека и угрозу применения санкций в случае их нарушения, неоднократно приводившуюся в исполнение. На рубеже 1979–1980 г. наступил третий, завершающий этап, во время которого была демонтирована инфраструктура сотрудничества. Холодная война возобновилась.

Обе стороны уделяли большое внимание соблюдению секретности и вопросам безопасности. В то же время десятилетие сотрудничества показало, что в Вашингтоне и Москве по-разному смотрели на место научных связей и технологических обменов в структуре двусторонних отношений. В США признавали заслуги советских учёных в ряде областей (энергетика, космос, фундаментальная физика, прикладная математика) и охотно шли на организацию совместных проектов с их участием. В тех отраслях знаний, где американская сторона чувствовала своё превосходство, кооперация развивалась менее успешно.

С середины 1970-х гг. всё более выраженным становилось стремление американской стороны использовать торговлю наукоёмкими товарами, науку и технологии в качестве инструмента для достижения политических результатов. Советская сторона к таким методам, как правило, не прибегала, отдавая предпочтение получению максимально возможного объёма научной информации и покупке новейших технологий.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №24-28-01399, <https://rscf.ru/project/24-28-01399/>

UDC: 94(73:47)"1969/1980":327:338.9:62-052

Received: October 11, 2024

Accepted: December 15, 2024

Trade and Scientific-Technical Cooperation with the USSR on the U.S. Leadership's Agenda During the Era of Détente (1969–1980)

V.T. Yungblyud

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32)

Vyatka State University

Abstract: Trade and scientific-technical cooperation were integral components of U.S.-Soviet relations during the détente of the 1970s. By the late 1960s, strategic parity had been achieved between the two superpowers, marking a turning point in their confrontation. The arms race came to be regarded as both costly and unsustainable. While the temporary balance of military capabilities reduced the immediate threat of war and eased direct confrontation, it also fostered the belief that strengthening commercial ties and advancing scientific-technical programs and exchanges could provide a material foundation for lasting peace. In Moscow, this notion evolved into a programmatic directive, whereas Washington adopted a more pragmatic stance.

Drawing on a broad historiographical foundation, archival documents from Russian repositories (RGANI, RGAE), published materials from the U.S. Department of State, and electronic collections of American intelligence and scientific communities, this article examines the evolving U.S. policy toward the Soviet Union in the 1970s. It focuses on the role assigned to trade, economic relations, and scientific-technical cooperation in the broader framework of superpower relations.

The study concludes that the unraveling of détente in trade and scientific-technical cooperation occurred in three distinct stages. The first stage began with the passage of the Jackson-Vanik Amendment in 1974, which disrupted the principle of equality in bilateral relations and inflicted considerable economic losses on the Soviet side. The second stage was marked by the Carter administration's emphasis on human rights beginning in January 1977. This introduced the threat of sanctions and escalated tensions in U.S.-Soviet relations. The third stage, initiated in December 1979 and solidified by January 1980, witnessed the dismantling of the infrastructure supporting bilateral scientific and technical cooperation. These developments underscored the shifting priorities and eventual decline of détente as a defining feature of U.S.-Soviet relations during this period.

Keywords: the detente, Soviet-American relations, scientific and technical cooperation, technological exchanges, R. Nixon, J. Carter, L. Brezhnev

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01399 <https://rscf.ru/en/project/24-28-01399/>.

References:

- Ailes C.P., Pardee A. 2018. *Cooperation in Science and Technology: An Evaluation of the U.S.-Soviet Agreement*. New York: Routledge. 366 p.
- Averch H.A. 1985. *Strategic Analysis of Science & Technology Policy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 216 p.
- Bornstein M. 1985. *East-West Technology Transfer: The Transfer of Western Technology to the U.S.S.R.* Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. 190 p.
- Brzezinski Zb. 1983. *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 567 p.
- Carter J. 2010. *White House Diary*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 510 p.
- Chapman B. 2013. *Export Controls: A Contemporary History*. Washington: University Press of America. 430 p.
- Firth N., Noren J.H. 1998. *Soviet Defense Spending: a History of CIA estimates, 1950–1990*. College Station: Texas A&M University Press. 291 p.
- Ford G. 1979. *A Time to Heal: The Autobiography of Gerald R. Ford*. New York: Harper & Row Publishers. 454 p.

Gaddis J.L. 1987. *The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War*. New York: Oxford University Press. 332 p.

Gates R.M. 1996. *From the Shadows: the Ultimate History of five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Shuster. 604 p.

Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, his Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca: Cornell University Press. 398 p.

Graham L.R. 1978. How Valuable are Scientific Exchanges with the Soviet Union? *Science. New Series*. 202(4366). P. 383–390. DOI: 10.1126/science.705332

Hanhimaki J.M. 2013. *The Rise and Fall of Détente: American Foreign Policy and the Transformation of the Cold War*. Washington: Potomac Books. 274 p.

Haslam J. 2011. *Russia's Cold War: From the October Revolutions to the fall of the Wall*. New Haven: Yale University Press. 523 p.

Kissinger H. 1979. *White House Years*. Boston: Little, Brown & Company. 1521 p.

Kissinger H. 1982. Trading with the Russians: a Political Strategy for Economic Relations. *The New Republic*. P. 14–15.

Litwak R. 1984. *Détente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1966–1976*. Cambridge: Cambridge University Press. 232 p.

Nelson K. 2019. *The Making of Détente: Soviet-American Relations in the Shadow of Vietnam*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 217 p.

Nixon R. 1978. *The Memoirs of Richard Nixon: in 2 vols*. New York: Grosset & Dunlap. Vol. I. 688 p. Vol. II. 704 p.

Smell M. 1999. *The Presidency of Richard Nixon*. University Press of Kansas. 387 p.

Smith B.L. 1992. *The Advisers: Scientists in the Policy Process*. Washington: The Brookings Institution. 238 p.

Stever G. 1987. Presidential Science Advising: The Exodus from the White House. Thompson K. (ed.) *The Presidency and Science Advising. Vol. II*. Lanham: University of Virginia Press. P. 39–54.

Strong R.A. 2005. *Decisions and Dilemmas: Case Studies in Presidential Foreign Policy Making Since 1945*. New York: M.E. Sharpe, Inc. 268 p.

Vaisse J. 2018. *Zbigniew Brzezinski: America's grand Strategist*. Cambridge: Harvard University Press. 505 p.

Vance C. 1983. *Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy*. New York: Simon and Shuster. 541 p.

Westad O.A. 2017. *The Cold War: A World History*. New York: Basic Books. 720 p.

Krynzina M.D. 2020. Vozmozhnosti nauchnoy diplomatii v usloviyakh sanktsiy: Opyt sovetско-amerikanskogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v 1970–1980-e gg. [Opportunities for Science Diplomacy Under Sanctions: the Experience of Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in the 1970–1980s]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 11(3). P. 59–73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004 (In Russian).

Mitrokhin N. 2023. *Ocherki sovetской ekonomicheskoy politiki v 1965 – 1989 godakh. V 2-kh t. T. 2*. [Essays on Soviet Economic Policy 1965–1989: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 606 p. (In Russian).

Press F. 1981. *Nauka i tekhnika v Belom dome s 1977 po 1980 g*. [Science and Technology in the White House from 1977 to 1980]. Moscow: INION AN SSSR. 30 p. (In Russian).

Yungblyud V. 2022. «Put' k Rubikonu»: amerikano-sovetskie kontakty v oblasti nauki i tekhnologii ["The Way to the Rubicon": American-Soviet Contacts in Science and Technology]. *Quaestio Rossica*. 10(5). P. 1691–1707. DOI: 10.15826/qr.2022.5.755 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2020. Popravka Dzheksona-Venika i razvitie sovetско-amerikanskikh otnosheniy v 1972–1975 gg. [Jackson–Vanik Amendment and Development of Soviet-American Relations in 1972–1975]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(2). P. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2023a. Debaty vokrug zakonodatel'stva o vneshney trgovle SShA kak element razryadki v sovetско-amerikanskikh otnosheniyakh (1969–1979) [Debate around U.S. Foreign Trade Legislation as an Element of Détente in Soviet-American Relations (1969–1979)]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 21(1). P. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2023b. Torgovo-ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie svyazi SShA i SSSR v gody razryadki (Obzor rossiyskikh issledovaniy 1972–2022 gg.) [Trade-Economic and Scientific-Technical Relations between the USA and the USSR during the Years of Detente (Review of Russian Studies, 1972–2022)]. *World Economy and International Relations*. 67(3). P. 116–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-116-129 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2024a. Torgovo-ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie svyazi SShA i SSSR v gody razryadki. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Trade-Economic and Scientific-Technical Relations between the USA and the USSR during the Years of Detente]. *World Economy and International Relations*. 68(5). P. 125–141. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-125-141 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2024b. Problema peresmotra torgovo-kreditnogo zakonodatel'stva SShA i voprosy transfera tekhnologii v sovetско-amerikanskikh otnosheniyakh vo vtoroy polovine 1970-kh gg. [The Problem of Revising of US Trade and Credit Legislation and Issues of Technology Transfer in Soviet-American Relations in the Second Half of 1970s]. *ISTORIYA*. 15(4(138)). DOI: 10.18254/S207987840031334-6 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Крынжина М.Д. 2020. Возможности научной дипломатии в условиях санкций: Опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970–1980-е гг. *Социология науки и технологий*. 11(3). С. 59–73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004

Митрохин Н. 2023. *Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах*. В 2-х т. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение. 606 с.

Пресс Ф. 1981. *Наука и техника в Белом доме с 1977 по 1980 г.* Москва: ИНИОН АН СССР. 30 с.

Юнблюд В.Т. 2022. «Путь к Рубикону»: американо-советские контакты в области науки и технологий. *Quaestio Rossica*. 10(5). С. 1691–1707. DOI: 10.15826/qr.2022.5.755

Юнблюд В.Т., Ильин Д.В. 2020. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(2). С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39

Юнблюд В.Т., Ильин Д.В. 2023а. Дебаты вокруг законодательства о внешней торговле США как элемент разрядки в советско-американских отношениях (1969–1979). *Международные процессы*. 21(1). С. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2023b. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки (Обзор российских исследований 1972–2022 гг.). *Мировая экономика и международные отношения*. 67(3). С. 116–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-116-129

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2024. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(5). С. 125–141. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-125-141

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2024. Проблема пересмотра торгово-кредитного законодательства США и вопросы трансфера технологий в советско-американских отношениях во второй половине 1970-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 15(4(138)). DOI: 10.18254/S207987840031334-6